

Я бежал, почти летел, и добрался до офисного здания в пять утра.

На первом этаже располагались закусочная с жареной едой и прачечная самообслуживания, а со второго и выше — контора наёмников «Джинхан».

Подойдя к лифту, я нажал кнопку вызова, но внезапно забеспокоился о запахе. Больше десяти дней я собирал останки монстров — эта вонь наверняка въелась в поры.

Времени на душ не было, да и места подходящего поблизости не нашлось, так что я использовал полбутылки воды (пятьсот миллилитров) из кармана рабочей одежды, чтобы быстро ополоснуть руки и лицо.

С мокрыми руками и влажными мысками кед я вошёл в лифт и нажал кнопки второго и пятого этажей подряд. Как только двери открылись на втором, я высунул голову в сторону видимого стола:

— Сон Морэ здесь. В какую комнату мне идти?

Сотрудник за стойкой мельком глянул на меня, потом на белую доску на стене и ответил:

— Поднимитесь в пятьсот первую.

Вместо ответа я решительно нажал кнопку закрытия. Расстегнул рабочую куртку, застёгнутую до самого горла. Когда двери открылись снова, я был уже в футболке с коротким рукавом и

джинсах. В отличие от прежнего, передо мной предстал тускло освещённый коридор. Глубоко вздохнув, я пересёк затхлый, пропахший плесенью коридор.

Как только я открыл дверь комнаты 501, настроение упало ещё ниже. В центре тесной комнаты, где стояли лишь низкий диван да подставка на полу, выставив напоказ голые ноги, в одних спортивных штанах и трусах стоял Хан Гон.

Извращенец снова за своё.

— Эй, хён?

Он рассмеялся, схватившись за пах поверх своих мешковатых трусов. Его неуклюжая походка, когда он направился ко мне, делала его тощие ноги похожими на крабьи.

— Давно не виделись... Опять будешь корчить эту противную рожу?

Хан Гон бесстыдно продолжал тешить себя, не сводя с моего лица похотливого взгляда. Всего несколько грубых движений — и его ширинка набухла. Лицо зарделось, на губах расплылась глупая улыбка, но радость его была недолгой. Едва он привстал на цыпочки, чтобы встретиться со мной взглядом, его физиономия скривилась.

— Ах, чёрт...! Чем это воняет?

Хан Гон попятился, зажимая нос одной рукой.

Я на миг задумался — не развернуться ли и не уйти, — но быстро отбросил эту мысль. Бегство ничуть не поможет.

Я подавил гнев и прикрыл за собой дверь. В этой убогой конторе наёмников Хан Гон был единственным Ньютайпом с обнадёживающим будущим.

Он был единственным С+ классом среди наёмников и обладал огромным потенциалом роста благодаря молодости. Судя по медицинским пластырям, наклепленным на челюсть и запястья, он только что завершил крупный заказ.

Если я не могу справиться даже с одним Ньютайпом, у конторы нет причин держать меня при себе.

Особенно учитывая, что глава наёмников души не чаял в Хан Гоне. Эта привязанность выходила далеко за рамки отношения к нему как к источнику дохода — причиной была его смазливая внешность.

Беда в том, что Хан Гон был грязным извращенцем, совершенно недостойным своей внешности.

— Ай, да ну... Хён, ты бы сходил в баню, что ли?

Без сомнения, глава наёмников посулил ему Проводника получше, классом повыше. Однако Хан Гон упрямо требовал меня — не из скромности и не из верности. А потому, что с первой же встречи он хотел со мной переспать.

— Хм, да ладно! Всё равно испачкается. Я тороплюсь, так что иди сюда. Быстро.

Пробормотав что-то себе под нос, Хан Гон протянул руку. Одно нужно помнить при встрече с Ньютайпом — никогда не судить об их силе по внешности. Хан Гон не был исключением. Чтобы вырваться из хватки его тощей маленькой руки, мне пришлось как следует размахнуться кулаком.

— Ой.

Хотя я ударил его всего лишь по тыльной стороне ладони, Хан Гон преувеличенно завопил от боли. Он нахмурился, явно задетый этим маленьким отпором, и усмехнулся:

— Хён, ты вообще Проводник А-класса? Как ты собираешься Проводничать без рук? Без поцелуев, без минета, без секса — чёрт возьми!

Его невнятное бормотание перешло во внезапный взрыв ругательств. Как обычно, перед ним я вёл себя так же — ждал, пока он успокоится сам.

Слабость Хан Гона заключалась в том, что он был ко мне равнодушен, и в этом же была его сила. Он хотел от меня большего, чем я мог дать, поэтому ныл и скулил, но по той же причине быстро остывал и расплывался в застенчивой улыбке.

— Хён. Хён Морэ... Ты должен быть мне благодарен. Разве не знаешь? Я отговорил босса тебя уволить, сказал, что ты выглядишь ещё более бесполезным. Объяснил, что жалко смотреть, как ты прибегаешь по первому зову, как щенок, — и он согласился: «И то верно».

Я и сам это знал. Просто не нуждался в том, чтобы это признавали.

— А вообще-то, хён, твой главный козырь — ха... твоё внешность как раз в моём вкусе.

Выслушав всю эту белиберду, я обычно получал возможность его успокоить. Как с щенком или котёнком — погладить по голове, покивать на его ворчливые речи, усадить на узкий диван и приобнять. Трагедия и комедия для меня заключались в том, что он хотел от меня не просто секса. Он хотел любви, но я не мог найти в себе такого чувства.

И тут внезапно раздался глухой удар. Я дёрнул головой — в ушах зазвенело. Половина лица горела огнём. Он врезал мне по щеке. Хан Гон, глядя на меня с искривлённой улыбкой, похоже, даже не осознал, что замахнулся кулаком.

Остановить его, когда он шагнул ближе, было невозможно. Мне оставалось только увернуться от летящего удара. Глухая вибрация прошла по стене туда, где кулак пробил пустоту.

Откуда только этот парень взялся? Я не слышал, чтобы он был в таком возбуждённом состоянии.

— Хан Гон. Так не пойдёт. Позови другого Проводника.

С этими словами я потянулся назад. Едва я схватил дверную ручку и потянул на себя, как Хан Гон выбросил ногу у моего пояса. Одним ударом он с грохотом захлопнул дверь.

Медлить больше не имело смысла. Я врезал ему по его смазливой роже.

— Очнись.

Даже когда я ударил его со всей силы, чтобы привести в чувство, Хан Гон только рассмеялся с покрасневшимся лицом. Как безумец, как одержимый, он вздрогнул, а затем его лицо исказила гримаса. Он пробормотал:

— Хён. Почему мне нельзя?

— Что?

— Я всё знаю. Я всё слышал. До того как взяться за меня, ты трахался с каким-то старым наёмником, называл его «дяденькой», «дяденькой», бегал за ним хвостом... Не говори, что предпочитаешь стариков?

Я остолбенел от его бредней, которые он выплёвывал, нахмурившись. Это было то, что я пытался забыть, делая вид, что ничего не было. Он вытащил наружу моё прошлое, которое я так тщательно прятал, — и преподнёс это как великое предательство. Его отношение было не просто невежественным — оно было наглым.

Что бы я ни делал в прошлом и с кем бы ни общался — моё прошлое принадлежало только мне. Это было моё время и мой долг, который я должен был выплатить. Я всегда был один. Никто тогда не протянул мне даже крупицы помощи ради моего выживания.

Но теперь, в этой убогой конторе наёмников, будучи Ньютайпом и Проводником, Хан Гон вёл себя так, будто имеет право вмешиваться в мою жизнь.

— Как ты это делал с тем «дяденькой»?

Хан Гон спросил меня. Казалось, у него слюнки текли. Его голос чавкал от возбуждения.

— Что мешает тебе сделать то же самое со мной?

Затем он сделал ещё один шаг ближе. Я позволил ему обхватить меня за талию и припасть головой к моему плечу. Не потому, что он мне нравился или у меня было хоть малейшее намерение уступить. А потому, что внутри меня было так пусто и так кипела злоба, что я боялся — я и вправду могу совершить убийство.

Я пытался унять гнев, дыша медленно и глубоко, но Хан Гон ничего не замечал. Он уже прижимался к моему паху, как вдруг вскинул голову. Его бледная рука нащупала мою промежность.

Кровь бросилась в обратную сторону.

— Ой? А у тебя покрупнее, чем я думал, хён...

Не договорив, Хан Гон издал сдавленный «уф» и отлетел назад. Мой кулак горел. Врезав ему по его смазливому носу, я со всей силы пнул его ногой.

— Твою мать, твою мать...!

Голосом, полным боли, Хан Гон издал нелепый звук и отполз в угол. Но даже тогда он поспешно протянул руку и вцепился мне в бедро.

— Почему! Почему!

Его слова были невняты, их трудно было разобрать. Он, казалось, и жаловался, и умолял меня — а затем внезапно кинулся вперёд, пытаясь схватить меня за горло. Я больше не мог терпеть, врезал ему в бок и силой отшвырнул от себя. Хан Гон покатился по узкому полу, оставив своими ногтями три глубокие царапины у меня на шее.

— Тьфу, чёрт...

Отделаться от Ньютайпа, который не знает, когда остановиться, оказалось нелегко. Физическая схватка с ним превратилась в обычный обмен ударами — я бил и получал в ответ. К счастью, я был достаточно силен — иначе обычного человека уже отправили бы в нокаут.

— Тьфу, чёрт, чёрт! Да ты вообще Проводник? Может, ты на самом деле Ньютайп...!

Хан Гон закричал и бросился на меня. С размаху он повалил меня на пол, и я покатился по

грязному линолеуму. Он не упустил момента и крепко обхватил меня за талию. Уткнувшись лицом в мою грудь, он тяжело дышал, и я чувствовал, как моя одежда намокает — то ли от слёз, то ли от слюны. Я подумал, что он, возможно, пришёл в себя, и попытался успокоить его:

— Гон-а.

Но Хан Гон приподнял меня за талию и перетащил на диван. Как только моя спина коснулась жёсткой подушки, отвращение сменилось тошнотой. Мои недобрые предчувствия сбылись точь-в-точь. Хан Гон взобрался на меня сверху и торопливо стянул с себя трусы.

«Маленький ублюдок!»

Его костлявая задница, казалось, впивалась в мой пах острой гранью. Его обнажённый член уже был влажным. С розовым, наполовину вставшим органом он возился с пряжкой моих штанов, упрямо пытаясь стянуть их, даже когда я бил его по голове, груди и плечам — будто призрак, умирающий с голоду.

Звук расстёгивающейся молнии на моих бёдрах прозвучал особенно резко — словно лезвие скребло по внутренней стороне черепа.

— Ха, давай скорее... Вставь в меня.

Восседа на мне, содрогавшемся от отвращения, а не от возбуждения, на грани рвоты, Хан Гон требовал невозможного. Всё моё тело покрылось мурашками, я дрожал от ярости, но он продолжал шарить по моей груди и мышцам живота.

— Хён...

И тут раздался громкий «БАМ!».

Такой оглушительный звук, что я на мгновение подумал — взорвалась бомба. Мой рот раскрылся от изумления, а тело окаменело.

Всё, что я успел увидеть, — как Хан Гон повернул голову к двери. Свет из коридора падал прямой линией на его профиль.

В следующий миг лицо Хан Гона было схвачено огромной рукой.

Тот, кто внезапно ворвался, двигался слишком быстро, чтобы я успел разглядеть его лицо. Всё, что я видел, — как Хан Гон болтается, словно тряпичная кукла, с головой, зажатой в хватке незнакомца, и как тот идёт к единственному окну в тесной комнате и выбрасывает Хан Гона наружу.

Всё.

Хан Гон, упавший с пятого этажа, не издал ни звука. После двух секунд тишины лишь пронзительно заверещала автосигнализация.

Я даже не успел удивиться. В ушах звенело от внезапного поворота событий. Вес Хан Гона, только что сидевшего на мне, ещё не успел исчезнуть из памяти.

Силуэт незнакомца, стоящего в центре тесной комнаты в трёх шагах от меня, был до жути нереален. Он был таким огромным, что его тень доставала до потолка.

Высокий, и сложение — ещё крупнее. Рука, которую он слегка встряхнул в воздухе, была большой, и ноги в чёрных ботинках тоже были большими.

Он повернулся и посмотрел на меня.

— Это твой напарник?

Он кивнул подбородком в сторону окна и заговорил. Даже голос его казался сновидческим. Только не прекрасным сном, а кошмаром, в котором бедствие восстаёт из сумрака заката. Голос был таким низким и холодным, что сам собой вызывал такие мысли.

— Только что умер. Теперь пора обзаводиться новым напарником, да?

Даже когда я напрягал зрение, я не мог разглядеть его лица. Единственный источник света — настольная лампа — валялась на полу, отбрасывая изгиб света лишь на его нижнюю челюсть, оставляя лицо в полной темноте. Словно в чёрной маске, он двинулся ко мне с непроницаемо-тёмным выражением лица.

Я мог лишь смотреть, как он стремительно приближается; я не мог подняться. Вместо этого я вжался спиной в диван, плотно сжав губы.

Я не двигался. Я не дышал. Я делал это инстинктивно — почти как притворялся мёртвым в полной тишине.

Вскоре моё тело качнулось влево-вправо со скрипучим звуком. Незнакомец ступил на диван. Его ботинок оказался рядом с моим бедром.

Его голова, достаточно высокая, чтобы касаться потолка, медленно, очень медленно опустилась ко мне. Он неторопливо наклонялся надо мной, перейдя за девяносто градусов.

Наконец я увидел его лицо. Первая мысль, пришедшая в голову, была глупой — как бы его острый нос не проткнул мне лицо.

Затем я оценил глубину его глаз в обрамлении длинных ресниц и убедился, что эти чёрные глаза, в которых отражалась овальная оправа дешёвой лампы, принадлежат монстру в человеческом обличье.

Отсутствие эмоций и выражения в его глазах, носу и губах казалось зловещим.

И страх неведения, терзавший меня до этого, исчез.

Я сразу узнал его. И страх узнавания обморозил мне руки и ноги.

Возвышаясь надо мной, глядя на моё лицо горизонтально, он глубоко вздохнул. И улыбнулся. Даже с запахом монстра, вьёвшимся из разрушенных Врат, с запахом крови и пота, с ароматом унижения, о

кутавшим меня прямо перед ним, — он улыбнулся.

— Твой запах... Мне очень нравится.

Я не мог произнести ни слова. Единственное, что застряло в моём сознании, — два слова:

Чжэ Чауи.

Только его имя.

<http://bllate.org/book/18111/1737363>